

КВОН Даниил Андреевич – к.полит.н., доцент кафедры политологии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) (125993, Россия, г. Москва, Волоколамское ш., 4; docentkvon@yandex.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ, СУБЪЕКТЫ

Аннотация. В статье анализируются специфика политической коррупции как теоретического конструкта и общественного феномена, ее отличия от других видов коррупции. Рассматриваются субъекты коррупции, их цели, содержание и характер действий, формулируется определение политической коррупции.

Ключевые слова: политическая и бюрократическая коррупция, субъекты, цели политической коррупции, полный коррупционный цикл, власть

Коррупция как социальное явление может иметь политическую окраску: с одной стороны, она является продуктом деятельности власти, с другой – непосредственно влияет на формирование и функционирование властных институтов, в значительной мере определяет сущность публичной власти.

Поскольку публичная власть представляет собой, прежде всего, систему политических институтов, то и коррупция как форма злоупотребления этой властью является политическим феноменом. При таком подходе можно утверждать, что любые коррупционные деяния, совершенные представителями государственной власти или местного самоуправления, имеют политический смысл и могут считаться политической коррупцией. Рассматривая предложение относить к политической коррупции все коррупционные деяния, имеющие политическую подоплеку, исследователи выделяют среди них сферы общественных отношений, которые являются наиболее уязвимыми к коррупции и одновременно тесно связанными с политической деятельностью: деятельность политических партий, избирательный процесс, законодательный процесс, приватизация, бюджетный процесс.

Выделение из всего массива коррупционных деяний такого вида коррупции, как политическая, обусловлено тремя специфическими моментами: статусом субъекта коррупционного правонарушения, направленностью (целеполаганием) и мотивированностью его противоправной деятельности, а также характером ее последствий. Анализ именно политической коррупции необходим также для более предметного понимания социальной сущности коррупции как явления и повышения эффективности противодействия ей.

Общепринятого определения политической коррупции нет как в отечественных и зарубежных теоретических работах по соответствующей проблематике [Collier 2002: 6], так и у различных организаций и структур, которые осуществляют практическую деятельность в сфере противодействия коррупции. В результате различные авторы и организации формулируют (или принимают) различные определения этого явления.

Распространенные определения и их составляющие. Приведем ряд наиболее характерных определений политической коррупции. «Какая-либо транзакция между акторами частного и публичного секторов, в которой коллективные блага нелегитимно конвертируются в частные» [Amundsen 1999: 3]; «...какие-либо действия чиновников, если они отходят от своих определенных законом обязанностей в обмен на личные выгоды» [Политическая коррупция... 2004: 2]; «...неформальная институциональная среда, “черный рынок” экономических, административных, информационных ресурсов, на котором властные элиты взаимодействуют между собой и с другими структурами общества» [Лазарев 2010: 107]; «Политическая коррупция – это использование лицом, занимающим государственную должность, доверенных ему государственно-властных полномочий и прав, служебного положения и статуса в системе государственной власти, статуса органа государственной власти, который он представляет, в целях противоправного извлечения личной и

(или) групповой, в том числе и в пользу третьих лиц, политической выгоды (политического обогащения)» [Нисневич 2012: 193]; «...форматирование политической конкуренции, ограничение доступа к власти, использование государства как инструмента получения политической ренты для определенных закрытых групп» [Воробьев 2014: 76-77]. Ресурсный центр по борьбе с коррупцией (*Anti-corruption Resource Centre*) следующим образом определяет содержание политической коррупции: «Термин “политическая коррупция” понимается по-разному... В некоторых случаях он используется как синоним “гранд” или коррупции высокого уровня и относится к злоупотреблению служебным положением со стороны политических лидеров. В других это относится именно к коррупции в политических и избирательных процессах»¹. Международная антикоррупционная организация *Transparency International* определяет политическую коррупцию так: «Политическая коррупция — злоупотребление служебным положением со стороны политических лидеров в целях личной наживы»².

В приведенных определениях содержатся ссылки на несколько главных сегментов (составляющих) политической коррупции:

- субъекты (в приведенных определениях — лица, наделенные политической властью, чиновники);
- цели — получение личных выгод, частных благ;
- содержание действий — конвертация коллективных благ (ресурсов) в частные с помощью власти;
- характер действий — злоупотребления, нелегитимные действия, нарушение определенных установленных законом норм.

В то же время приведенные определения не являются полностью адекватными. В частности, они не обеспечивают должного разграничения между политической и «обычной» (бюрократической) коррупцией, что имеет первостепенное значение для анализа этого явления и выработки путей противодействия ему.

Политическая и бюрократическая коррупция. Главным критерием разграничения политической и бюрократического видов коррупции является их место в процессе выработки и реализации политики. Считается, что политическая коррупция присуща стадии выработки политики (принятие политических решений, создание «правил игры»), тогда как бюрократическая («обычная», «мелкая») — стадии имплементации политики (реализации соответствующих решений).

Введение этого критерия обусловлено различиями в характере политических (нормотворческая деятельность) и бюрократических (административно-распорядительная деятельность) функций. Так, субъекты политической коррупции могут использовать власть для установления правовых норм, которые соответствуют их частным интересам, закладывая «обходные пути» для игнорирования других норм и т.п. Коррупционные же действия субъектов бюрократической коррупции являются нарушением установленных норм и правил. В то же время это разграничение не является достаточно четким, учитывая проблематичность разделения политических и административных функций в целом и подчас их концентрацию в обязанностях одного должностного лица (что является распространенной практикой для должностных лиц высшего уровня).

Политическая и бюрократическая коррупция могут как существовать отдельно друг от друга, так и находиться в функциональной связи. Такая связь возникает тогда, когда бюрократическая коррупция становится элементом «пирамиды изъятия», созданной путем политически коррупционных действий (эта схема предусматривает аккумуляцию мелких взяток на верхушке коррупционной схемы). Однако даже при отсутствии схем, в которых сочетаются бюрократическая и политическая коррупция, последняя способствует распространению бюрократической, поскольку «инфицирует» низшие ступени должностных лиц, которые следуют грабительским образцам или даже получают соответствующие инструкции от своих

¹ *Political corruption*. URL: <http://www.u4.no/glossary/> (accessed 12.03.2015).

² *Global corruption report 2004: Political corruption*. URL: http://www.transparency.org/research/gcr/gcr_political_corruption (accessed 12.03.2015).

руководителей [Amundsen 1999: 4]. Указанная особенность политической коррупции предопределяет и специфику подходов к борьбе с ней. Тогда как противодействие бюрократической коррупции обычно охватывает «аудит, законодательство и институциональные меры, то разрушительным последствиям политической коррупции нельзя противодействовать только административными средствами. Специфика политической коррупции требует радикальных политических реформ» [Amundsen 1999: 4], системы сдержек и противовесов, глубокой демократизации.

Специфические черты политической коррупции. Можно выделить несколько основных специфических черт политической коррупции.

1. Политическая коррупция имеет гораздо более узкий круг тех, кто с ней непосредственно сталкивается (и как объект, и как субъект коррупционного деяния), что усиливает ее латентность. Политическая коррупция вращается в слишком высоких политических кругах, чтобы стать элементом повседневного практического опыта подавляющего большинства граждан. Простое сравнение числа граждан, которым приходилось давать взятки, скажем, работнику ДПС, с теми, кто точно знает об этом в политической сфере, свидетельствует не в пользу политической коррупции.

2. Далеко не всегда политическая коррупция имеет четко выраженное материальное воплощение — или в виде конкретно оговоренного денежного эквивалента, или в объеме определенных услуг. Конечно, и в сфере политической коррупции также есть свои фиксированные ставки, но доля «твердых» тарифов значительно меньше. Некоторые эксперты вообще говорят об отсутствии монетарной сущности политической коррупции, поскольку вознаграждение используется не в личных целях определенного должностного лица, а во властно-политических целях (например, поддержка руководства во время политических кризисов или на выборах).

3. Действия вовлеченных в круг политической коррупции лиц — политических функционеров, публичных политиков, чиновников — часто являются более длительными по времени и имеют разновекторную направленность. Другими словами, поскольку политические коррупционеры являются людьми, которые имеют значительные властные полномочия, широкий круг знакомств и находятся в поле действия разного рода сетей политического влияния, то и услуги, которые они предоставляют, являются универсальными и касаются различных сфер общественной жизни.

4. В отличие от «обычной», политическая коррупция почти легитимна как в оценках общественного мнения, так и в политических кругах. Дело в том, что в контексте широко распространенного понимания политики как «грязного дела» общественность воспринимает политическую коррупцию как неотъемлемую составляющую этой «грязи» и далеко не всегда относится к ней как к общественно вредному явлению. Среди политиков легитимность политической коррупции базируется, прежде всего, на ее восприятии как органической части политического менеджмента и политических технологий. Особенно это касается так называемых управляемых демократий, где политики твердо уверены в необходимости направления общественно-политических процессов в нужном им направлении, в т.ч. и с помощью действий, которые классифицируются как политическая коррупция.

5. Политическая коррупция имеет гораздо больший скрытый и инвариантный характер и далеко не всегда очевидна для рядового гражданина.

К счастью, несмотря на скрытые проявления политической коррупции и независимо от ее последствий, ее общественная опасность и «коррозионность» для основ общественно-политического строя являются общепризнанными и никем не ставятся под сомнение. Опасность политической коррупции связана, прежде всего, с тем, что она приводит к принципиальным ценностным сдвигам в системе «средство — цель». В демократическом государстве (даже при так называемой частичной демократии) достижение стратегических и тактических политических целей в системе государственно-правовых отношений предполагает применение определенных нормативно определенных средств. Политическая коррупция приводит как к применению не предусмотренных законом средств, так и к преследованию корыстных (личных, групповых, клановых) целей. Более того, часто осуждению подвергается не сам факт корыстной мотивации, а способ его совершения (например, прямое вмешательство в компетенцию того или иного субъекта политики или

грубое давление на политических оппонентов). Полученные в результате политической коррупции дивиденды если и подвергаются осуждению, то преимущественно с точки зрения ценностей демократии и правового государства, а не с позиций уголовного кодекса. Именно в деформации выбора цели и инструментария коррумпированной политической деятельности заключается ее отклонение от нормы и общественно-политическая опасность.

Субъекты политической коррупции. В соответствии с определенными выше особенностями субъектами политической коррупции могут быть лица или группы лиц, принимающих участие в политическом процессе, которые имеют или стремятся получить полномочия принимать и/или реализовать политические решения. Кроме того, к субъектам политической коррупции могут быть отнесены и те, кто непосредственно не участвуют в политическом процессе, однако из-за своих функций, полномочий и ресурсов имеют возможность влияния на него (как законного, так и нет). В этом контексте субъектами политической коррупции могут быть представители судебной ветви власти, правоохранительных органов, ЦИК и избирательных комиссий низших уровней, а также физические лица – представители финансово-промышленных групп, которые через финансовые и другие механизмы оказывают влияние на участников политического процесса.

Субъекты политической коррупции могут быть как индивидуальными (отдельные политики, должностные лица), так и коллективными (политические партии, депутатские фракции). В мировой антикоррупционной практике к субъектам политической коррупции могут быть отнесены и государственная бюрократия или правительство определенной страны в целом. То обстоятельство, что субъектами политической коррупции иногда являются коллективные субъекты, усложняет принятие санкций против них и, соответственно, борьбу с этим явлением.

С позиций функционального подхода субъекты политической коррупции могут быть условно разделены на четыре группы.

Первая группа – принципалы. Потенциальными принципалами являются лица, наделенные полномочиями принимать политические решения или непосредственно участвовать в принятии таких решений. За принятие решений они получают взятки или другие услуги, а также служат «политической крышей» для клиентских групп и других субъектов. К принципалам относят президента, политические партии, депутатов, руководителей центральных органов исполнительной власти, судей высших судов.

Вторая группа – государственные агенты. К таким субъектам относятся лица, наделенные полномочиями, как правило, в судебной и исполнительной власти, правоохранительных органах. Они принимают необходимые административные решения за взятки и другие услуги.

Третья группа – клиенты. Как правило, это крупные бизнес-группы, олигархи, которые заказывают необходимые решения и услуги, инвестируют средства в политиков с целью получения прибыли или других преимуществ. Это также могут быть большие организованные криминальные группы. Эти субъекты играют роль взяткодателей. Также они производят «кровь», питающую коррупционные схемы, – теневые средства.

Четвертая группа – посредники, если коррупционная схема допускает их существование (помощники депутатов, работники аппаратов высших должностных лиц государства, адвокаты и т.д.). Ценность посредников определяется их возможностями вхождения в «систему», умением находить и поддерживать личные связи, опытом, наличием сильных покровителей.

Иногда субъектами политической коррупции могут быть *недобросовестные избиратели.* Они становятся участниками коррупционных схем в условиях сознательной продажи собственных голосов или участия в различных схемах, направленных на искажение действительных результатов выборов («карусели», массовые голосования по открепительным талонам и т.п.).

Главным критерием «ценности» субъекта служат его рыночный потенциал и эффективность, которые заключаются в создании коррупционных сетей – наиболее рентабельных организаций, охватывающих различные группы субъектов.

Чем менее вероятны разоблачения и потенциальные риски от возможного «броска» партнеров, тем меньше будут расходы и больше — рентабельность.

Цели политической коррупции. Политическая коррупция определяется особенностями мотивации ее субъектов. Ю. Нисневич среди мотивов стремления в публичную власть выделяет два сегмента, содержащих соответствующие главные типы мотивации. В данном случае нас интересует «сегмент мотивов, имеющих преимущественно негативно-эгоистический характер», который можно обозначить как жажду наживы. Этот сегмент включает как материальные, так и изначально нематериальные мотивы — от алчности и корыстолюбия до властолюбия и честолюбия. «Движимый этими мотивами в итоге всегда приходит к цели материального обогащения... Даже власть ради власти неизбежно порождает меркантильные интересы и переплетается с жаждой материального богатства как важного символа и неотъемлемого атрибута господства над другими людьми» [Нисневич 2012: 193].

Выделим две основные группы целей политической коррупции.

В первом случае целью политической коррупции является личное или групповое обогащение. Субъекты политической коррупции используют политическую власть для присвоения публичных или частных ресурсов способом, который может быть либо не быть формально противозаконным, но является нарушением моральных норм и обязательств этих субъектов перед обществом. Такой вид политической коррупции в международном обороте определяется терминами «накопление» (*accumulation*) и «изъятие» (*extraction*).

Коррупционные средства аккумуляции и изъятия включают:

- взятки, «комиссионные» и вознаграждения (гонорары), которые берутся от частного бизнеса;
- ненадлежащее изъятие при осуществлении налогообложения и таможенных сборов;
- мошенничество и экономическую преступность;
- политически созданные возможности для получения ренты;
- политически сформированные рыночные преимущества для бизнеса, который находится во владении политических элит;
- внебюджетные трансферты, манипулирование в процессе приватизации;
- изъятие средств на финансирование политических партий и избирательных кампаний из публичных (государственных) финансов, частного сектора и у избирателей¹.

Во втором случае целью политической коррупции является получение, осуществление и/или расширение политической власти. Субъекты политической коррупции могут использовать для достижения таких целей как вполне законные, так и незаконные и коррупционные средства, охватывающие, в частности:

- покупку политической поддержки и лояльности (покупка голосов, фаворитизм, клиентелизм, кооптация, «патронажная политика»);
- манипулирование контрольными, надзорными, правоохранительными учреждениями для обеспечения собственной безнаказанности;
- покупку определенных решений органов власти;
- использование публичных средств для финансирования политических партий и избирательных кампаний, использование для этого частных средств в обмен на обещание создания преимуществ для бизнеса или доступа к публичным ресурсам в случае получения власти и др.

В этом случае политически коррупционные действия осуществляются не только субъектами, которые имеют политическую власть, но и теми, кто стремится ее получить (в т.ч. оппозицией). Это может осуществляться на этапе избирательных кампаний, а также для «кооптации» необходимых субъектов в существующую систему власти через покупку должностей и др.

Политически коррупционные действия могут содержать оба компонента и создают так называемый полный коррупционный цикл. Его суть заключается в том, что изъятые из-за применения коррупционных схем публичные и частные ресурсы

¹ *Political corruption*. URL: <http://www.u4.no/glossary/> (accessed 12.03.2015).

направляются на сохранение и/или расширение власти субъектов политической коррупции. Иными словами, полный цикл возникает тогда, когда власть служит целью получения богатства, а богатство — сохранению (расширению) властных полномочий. Следует отметить, что возможности создавать полный коррупционный цикл имеют субъекты, наделенные политической властью, тогда как лишенные ее могут использовать скорее вторую его составляющую.

Вопросы о соотношении первого и второго компонентов, об обязательности каждого из них для определения коррупционных действий именно как политически коррупционных являются дискуссионными. В частности, по мнению отдельных западных исследователей, наличие элемента материальной заинтересованности, измеряемой в денежном эквиваленте, является обязательным элементом политической коррупции [Amundsen 2006]. В то же время многие исследователи значительное внимание уделяют именно политическому компоненту, определяя политическую коррупцию, например, как совокупность различных по своему характеру и степени общественной опасности коррупционных правонарушений, совершаемых для достижения политических целей (по меньшей мере, такие цели должны иметь приоритет над другими).

Характер действий субъектов политической коррупции. Особенностью политической коррупции является то, что действия ее субъектов могут как иметь характер правонарушений, так и не иметь такового. «Политическая коррупция являет собой нечто большее, чем отклонение от формальных, писанных норм законодательства, профессиональных кодексов поведения или судебных постановлений. Политическая коррупция имеет место тогда, когда правящие политики злоупотребляют законами и правилами (нарушают их), игнорируют или обходят их, или прописывают законы и правила таким образом, чтобы способствовать реализации своих частных интересов» [Amundsen 2006].

Политически коррупционные действия, сопровождающиеся нарушением действующего законодательства, очевидно, являются более легкими для квалификации и привлечения виновных к ответственности. В то же время субъекты политической коррупции в силу их статуса и возможностей могут формировать правовое поле, целенаправленно «закладывая» в него возможности для дальнейших коррупционных действий, создавая «правовые лакуны», «обходные пути» и др. В этом случае проблемой является как доказательство умысла субъектов политической коррупции, так и привлечение к ответственности. Кроме того, определенные виды действий, которые могут иметь очевидные признаки политической коррупции (например, назначение на должности в органах власти представителей оппозиции с целью стимулирования соответствующей политической силы в поддержку властной команды), могут быть осуществлены в полном соответствии с действующими правовыми нормами, хотя их коррупционное содержание может и не скрываться. Таким образом, существует возможность осуществления субъектами политических действий, которые по своему характеру являются коррупционными, но в то же время не являются правонарушениями. Соответственно, определенные проявления политической коррупции могут не предусматривать юридическую ответственность, а только политическую или моральную. Указанные особенности в значительной степени ограничивают возможности внедрения термина «политическая коррупция» в правовое поле, осложняют оценку реального уровня политической коррупции и противодействие ей.

С аналитической точки зрения, конечно, отдельно взятое действие субъекта (должностного лица, политической силы и т.д.) может не иметь непосредственных признаков политической коррупции. Однако оно может приобрести такие признаки, если его рассматривать в более широком контексте действий (коррупционной политической схемы), направленных на сохранение (расширение) власти.

По оценке западных исследователей, «формальные правовые рамки государства <...> являются недостаточной основой для оценок и суждений о проблеме политической коррупции. Должны быть привлечены также нормативные, моральные и, понятно, политические критерии, не в последнюю очередь потому, что когда речь идет о политической коррупции, необходимо проводить различия между легально-

стью и легитимностью» [Amundsen 1999: 8]. Важное место в оценке уровня политической коррупции должны занимать принятые международным сообществом стандарты и принципы, поскольку политическая коррупция нарушает также и их, а не только национальное законодательство.

Авторское определение политической коррупции. С учетом проанализированных выше особенностей понимания политической коррупции и как теоретического концепта, и как общественного феномена можно дать следующее определение политической коррупции. *Политическая коррупция* есть нелегитимное использование участниками политического процесса и носителями публичной власти их возможностей и полномочий с целью получения личных или групповых выгод (ренты). При этом выгода (рента) может иметь любой характер – от непосредственно материального до символического (власть ради власти, социального престижа и т.д.), а механизмы использования полномочий (возможностей) могут приобретать противоправные формы. В то же время специфика политической коррупции как явления не дает возможности четко квалифицировать некоторые действия или намерения политических сил как политически коррупционные, а только позволяет предполагать возможность наличия в них политически коррупционных мотивов (прежде всего, имеются в виду такие цели политической коррупции, как сохранение или расширение власти). Поэтому в дальнейших исследованиях правомерно и обоснованно использовать как термин «политически коррупционные действия», когда наличие в этих действиях элементов политической коррупции не вызывает сомнений (например, если речь идет о монетарном эквиваленте соответствующих действий), так и термин «возможность политической коррупции», когда соответствующие действия являются сложными для квалификации.

Список литературы

Воробьев А.Н. 2014. «Захват государства»: качество институтов и режимные деформации (Поиск подхода и операционализация). – *Общественные науки и современность*. № 5. С. 76-87.

Лазарев Е.К. 2010. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 106-121.

Нисневич Ю.А. 2012. Политическая коррупция: определение, формы проявления, механизм и ресурсы. – *Технологизация политических процессов в условиях глобализации: теория, опыт, перспективы*. Материалы международной научно-практической конференции. Москва 19 октября 2012 г. (под общ. ред. В.И. Камышева, О.Е. Гришина). М.: Федерация мира и согласия. С. 193-201.

Политическая коррупция переходного периода: Скептический взгляд (пер. с англ. под ред. С. Коткина, А. Шайо). 2004. М.: К.И.С. 440 с.

Amundsen I. 1999. *Political Corruption. An Introduction to the Issues*. Bergen, Norway. Chr. Michelsen Institute. P. 1-39. URL: <http://www.cmi.no-publications-file-1040-political-corruption.pdf> (accessed 05.03.2015).

Amundsen I. 2006. *What is political corruption?* Bergen: Chr. Michelsen Institute (U4 Issue 2006:6). 36 p. URL: <http://www.u4.no/publications/political-corruption/> (accessed 12.03.2015).

Collier M.W. 2002. Explaining Political Corruption: An Institutional Choice Approach. – *Crime, Law & Social Change*. 38(1). Washington, D.C. P. 1-32. URL: <http://www.ciaonet.org.isa> (accessed 5.03.2015).

KWON Daniel Andreevich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, Associate Professor of the Chair of Political Science, Moscow Aviation Institute (National Research University) (4, Volokolamskoe Dr, Moscow, Russia, 125993; docentkvon@yandex.ru)

POLITICAL CORRUPTION: ITS CONCEPT, PURPOSES, SUBJECTS

Abstract. In the article the author analyzes specifics of political corruption as a theoretical construct and public phenomenon, its difference from other types of corruption, subjects of corruption, and their purposes. The contents and nature of corruption

actions are considered, definition of political corruption is formulated.

Keywords: political and bureaucratic corruption, subjects, goals of political corruption, complete cycle of corruption, power

ШИШИКИН Виталий Геннадьевич – к.и.н., доцент кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (630073, Россия, г. Новосибирск, пр-кт К. Маркса, 20; wital_sh@mail.ru)

ДИРЕКТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИКИ ЕЭС И ЕС В 1960–1990-х гг.

Аннотация. В статье выявляются основы директивного регулирования энергетической сферы Европейского экономического сообщества начиная с 1960-х гг. Первые директивы ЕЭС касались отдельных элементов отрасли, но после нефтяного кризиса 1970-х гг. страны Сообщества перешли к более скоординированной энергетической политике, которая осуществлялась по нескольким ключевым направлениям. В 1990-х гг. в рамках Евросоюза она была скорректирована, что привело к оформлению «первого энергопакета», который определял деятельность ЕС в энергетической отрасли вплоть до начала нулевых годов.

Ключевые слова: ЕЭС, ЕС, экономическая интеграция, энергетика, директивы, первый энергопакет

Энергетика все чаще выступает одним из ключевых факторов, который влияет не только на экономическое, но и политическое взаимодействие стран на международной арене. События рубежа 2014–2015 гг. указывают на то, что в диалоге между Россией и ЕС по вопросам энергетики возникают новые барьеры, преодолеть которые становится все сложнее. При этом Евросоюз остается крупнейшим покупателем российских энергоресурсов, а РФ занимает примерно треть энергетического рынка ЕС. Осознавая экономическую взаимозависимость, стороны, тем не менее, не могут прийти к компромиссу и стремятся заставить играть партнера по своим правилам.

В декабре 2014 г. российская сторона внезапно заявила о прекращении работы над газопроводом «Южный поток», который в будущем помог бы избежать рисков, связанных с транзитом энергоресурсов через Украину и усиливал влияние РФ в регионе за счет поставок газа в Болгарию, Сербию, Словению, Венгрию, Хорватию, Австрию и Италию. Препятствием для реализации проекта стал «третий энергопакет» – комплекс директив и регламентов, принятых странами ЕС в 2009 г., которые сужают возможности «Газпрома» по поставкам ресурсов в Европу и в перспективе могли ослабить контроль российской компании над проектируемым газопроводом.

Концепция по формированию в рамках ЕС Энергетического союза, одобренная в марте 2015 г., еще больше затруднит деятельность российского поставщика на европейском рынке. Согласно новой концепции Европейская комиссия получила право вмешиваться не только в межгосударственные соглашения по энергетике, которые заключают члены ЕС с зарубежными партнерами, но и влиять на коммерческие сделки членов Евросоюза с частными компаниями, представляющими третьи страны. Так, под вопросом оказалась реализация проекта по расширению АЭС «Пакш» в Венгрии. Согласно договоренностям, после строительства новых энергоблоков эксклюзивным поставщиком топлива для венгерской АЭС становится «Росатом». Это вызывает закономерные опасения среди европейских политиков, озабоченных тем, что одно из государств ЕС попадает в серьезную энергетическую зависимость от России [Крылов 2015].

Таким образом, Евросоюз стремится, с одной стороны, к укреплению единства среди стран-членов в осуществлении энергетической политики, а с другой – к тому,